



Пётр Пильский

ТАЙНА И КРОВЬ

RUGRAM

Москва

2023

Издатель Иванов В. Ю.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)
П32

Пильский, П.

П32 Тайна и кровь / П. Пильский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 242 с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-517-10539-4

Роман писателя-белоэмигранта Петра Пильского, опубликован в Риге в 1927 году под псевдонимом П. Хрущов. Написан в форме рассказа, который ведёт Михаил Зверев, вспоминая свою деятельность в контрразведке в Петрограде и Финляндии в 1917–1918 годах. Против Советской власти борется белогвардейское подполье. Взгляд на работу ВЧК озлобленными глазами контрреволюции.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-10539-4

© «Т8 RUGRAM», 2023
© Компьютерная вёрстка, Судаков К. А., 2023
© Подготовка текста, оформление, Издатель Иванов В. Ю., 2023

ТАЙНА И КРОВЬ



А. И. Куприн

О романе «Тайна и кровь» (Предисловие)

Очень опасно стать автором писем в редакцию или предисловий к романам. Чем чаще занимаешься литературой этого рода, тем скорее теряешь доверие у читателей. Доверие, как и влияние, имеют, подобно мылу, обыкновение быстро измыливаться от щедрого употребления.

Исходя из этого соображения, я совсем было решил отказываться впредь от писания предисловий к новым книгам. Уж очень много пришлось мне их сделать за последние годы, да, в сущности, и не моя это специальность.

Но, вот, прислали мне третьего дня из Риги сверстаный типографский оттиск нового романа, который на днях должен увидеть свет. Я его прочитал и поневоле переступаю зарок. Думаю, что в последний раз. Это — роман П. Хрущова «Тайна и кровь» (кстати: лучше было бы озаглавить «Кровь и тайна», а то, когда быстро произносить, выходит: тайная кровь).

П. Хрущова я не знаю, — встречал это имя в прибалтийских газетах. Очевидно, роман этот — его первое выступление в беллетристике. Я знаю, как чувствительны молодые авторы к оценке плюсов и минусов их первенцев. Поэтому пусть г. Хрущов на меня не сетует, что я начинаю со слабых мест. Так легче, справедливее и для автора удобнее: под конец пойдет хорошее.

Странно: первым и существенным недостатком этого романа является то великое отрицательное качество, которого — увы! — нет в большинстве романов. У Хрущова почти полное отсутствие водянистости.

Есть такие редкие ценные вина, которые в натуральном виде столь сухи и терпки и столь резко

ароматны, что с трудом даются пить, но в смеси со слабыми, «бесхарактерными» винами дают чудесные сорта. Также и цветочные эссенции требуют обильной разбавки.

В романе «Тайна и кровь» множество лиц, мест и событий, прекрасно нарисованных, хорошо освещенных, но чересчур тесно друг к другу показанных — хочется разбавки, широты. Весь роман — в энергичном движении, но движение слишком утороплено, — хочется порою его остановить или замедлить, или даже вернуть назад, чтобы получше присмотреться. Вот, видите, здесь и второй недостаток такого же характера, как первый: роману не хватает — диковинно сказать!.. — вялости, медленности.

Таким образом, мне ясно, что посредственный, но опытный романист, взяв за основу произведение П. Хрущова, наводнил бы его диалогами, отяжелил рассуждениями, разбавил общими местами, растянул описаниями природы и выпустил бы на рынок ёмкую книгу в двадцать печатных листов, что составляет 320 страниц. Бессовестный литературный закройщик умудрился бы сделать из того же материала четыре толстенных тома... И, знаете ли, что мне сейчас приходит в голову:

— Два эти недостатка П. Хрущова — не суть ли они достоинства в глазах изощренного читателя, к тому же не нуждающегося в измельченной и пережеванной литературной пище?

Роман «Тайна и кровь» написан в форме устного рассказа, ведущегося от одного лица, Михаила Ивановича Зверева; он же Владимир Владимирович Брыкин, — впрочем, у него, наверно, есть и другие имена, — все в зависимости от оборотов его тяжкой, нервной, бессонной деятельности.

Весь роман разворачивается в сфере совсем необычайной: жуткой и напряженной. Время — конец

17-го, начало 18-го года. Место: Петроград — Финляндия.

Против дьявольской власти большевистской Чека борются тайно, но упорно оставшиеся в живых патриоты, в большинстве — офицеры. Все они, под чужими именами, составляют связанную железной, добровольной дисциплиной, строго законспирированную священную партию контрреволюционеров, рассеянную по всему Петрограду и окрестностям. Иные из этих героев, — самые нетерпеливые, самые пламенные, но и самые выдержанные бойцы, вроде Михаила Ивановича, идут на службу не только в красную армию с контрреволюционной пропагандой, но даже и в эту мясорубку — чрезвычайку.

Они выведывают тайны и секреты, поддерживают связь с сотрудниками-эмигрантами, печатают и перевозят воззвания, переправляют почту и людей за границу и обратно. На них лежит тяжкий жребий ликвидировать красных палачей и редких белых предателей (черт бы побрал заразительную братскую войну!). Но тут я предоставляю слово самому Михаилу Ивановичу.

... — «Да, походить пришлось. И вот тут-то, на пограничной черте, с предательской ношей за спиной (мобилизационные планы), действительно, приходилось туго. На этой тонкой линии всегда стояла смерть. Шла двойная игра. Все время живешь под двумя масками. Одна — преданность, готовность на самопожертвование, идейный, красный героизм. Другая — холодное подкарауливание врага, смерти которого ждешь с внутренней, яростной настойчивостью...»

... — «Хуже всего то, что каждый из нас целой паутиной связей неразрывно спутан со многими людьми, с организацией, с резидентом, агентами, конспираторами, передатчиками. Разоблачен один — гибнут десятки. А еще, — в этой работе единый закон: кто наблюдает, за тем наблюдают».

... — «Предатели? Где их нет? Были и у нас. Ах, какой это ужас! Узнать потом, что твой друг, твой доверенный, твой близкий, тот, кто казался тебе героем, почетный член организации... предатель!.. О, это надо испытать! Только тогда поймешь этот огненный, страшный край последнего безверия во все...»

Все это только слова и размышления Зверева-Брыкина.

Но роман, как я уже говорил, весь в движении. Я только и хотел сказать то, что содержание романа П. Хрущова совсем ново и совсем не использовано. Мы знаем романы о преступниках и о сыщиках, о ворах-джентльменах и о детективах, о международных шпионах и шпионках.

Но таких романов с двойной, тройной, много раз переворачиваемой смертельной психологией, как роман Хрущова, мы, признаюсь, не читали.

Представьте себе осадно-минную войну. Один инженер прокладывает подземный ход для взрыва неприятельского укрепления. Но инженер с другой стороны ведет подкоп под него. Они сближаются на короткое расстояние. Каждый слышит работу другого. И вот, тут вопрос: кто первый из них подкопается под врага и первый взорвет его?..

Это лишь внешний, эффектный, привлекательный и волнующий интерес романа. Художественно-психологическая сторона его безмерно глубже.

*А. Куприн
Париж.*

ОТ АВТОРА РОМАНА

Несколько неизбежных пояснений.

В моем романе «Тайна и кровь» встречаются знакомые имена, проходят действительно существовавшие и существующие люди, но названы только те, кому уже не грозит никакой опасности. Все другие выступают у меня под псевдонимом. Это тоже живые лица, хотя сам роман ни на минуту не претендует на значение исторического и, в особенности, не хотел стать «исторической хроникой».

Тут вымысел сплелся с действительностью, но как раз то, что может показаться наиболее фантастическим, не выдуманно, а происходило на самом деле, — тем это удивительней и страшней.

Теперь о темпе романа.

Он быстр.

А. И. Куприн прав: в романе нет «водянистости» и «вялости». Этот быстрый ход мне казался необходимым в романе, как он был быстр и в самой жизни тех лет, вихревой, окруженной опасностями, риском, тайной и кровью.

П. Хрущов

I. НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ УБИЙСТВА АНГЛИЙСКОГО ОФИЦЕРА

Накануне убили английского офицера. Его труп был найден на одной из петроградских улиц. Видимо, никто не хотел скрывать этой смерти, а она была явно насильственной. Оказалось, что убитый английский офицер служил в иностранной контрразведке. Об этом и шел разговор в кабинете адвоката Любарского.

К нему я попал в первый раз. Впрочем, мы были давними знакомыми, и его приглашение мне не могло показаться неожиданностью. Знал я и трех других его гостей.

Один, высокий и полный гражданский инженер, был его шурином. Другой, сутулый, бескровный, чахоточного вида человек, бывший петербургский адвокат, считался давним приятелем хозяина, его политическим единомышленником, и оба они когда-то вместе участвовали в сложных и громких судебных процессах.

Но одного из присутствующих я не знал. Мне не приходилось его встречать ни в знакомых домах, ни в театрах, ни на улице. Сначала я не обратил на него внимания. Может быть, потому что он сидел в темном углу большого кожаного дивана и почти все время молчал.

Уже только тогда, когда зажгли лампы, я всмотрелся в его черты. В первую же минуту даже для поверхностного взгляда стало ясно, что он очень нервен. Левый мускул его лица подергивался, чуть-чуть дрожали руки, и во всей фигуре чувствовалась какая-то внутренняя борьба, то усиленное напряжение, которое должны делать над собой люди, привыкшие собою управлять, побеждать свою глубокую тревогу, вырабатывать и воспитывать нелегкие приемы внешнего

спокойствия и скрытности.

Разговор шел об убитом англичанине, и об этом сейчас писали все газеты. Его имя было знакомо Любарскому. По-видимому, он что-то знал и об его деятельности. Во всяком случае, никто из нас не сомневался в том, что убитый был, действительно, контрразведчик.

Пуская из-под седеющих усов дым сигары, глубоко вмятившись в глубину стеганого кожаного кресла, заложив ногу на ногу и смотря куда-то в потолок, сутулый ех-адвокат говорил:

— А все-таки это замечательно... Удивительный человек! Да и вообще: какой нужен характер, чтобы решиться на такую работу. Вы только подумайте: избрать себе постоянной профессией разведку! Что хотите, но для этого нужно быть каким-то сверхчеловеком...

— Ну, сел на любимого конька, — расплываясь в доброй, дружеской улыбке, сказал Любарский и провел рукой по своей большой голове, подстриженной бобриком и оттого похожей на щетку. — Какое тут сверхчеловечество! Просто специальность. Да и мало ли опасных профессий? Если рассуждать так, как ты, то всякий храбрый солдат тоже, пожалуй, окажется Uebermensch'ом.

— Но какое же сравнение! У солдата — открытая работа: в руках — оружие, сверху — приказ, сзади — подмога, впереди — враг, в результате — победа или проигрыш, все просто. Нет, это совсем другое дело. Солдат — миллионы. Но когда же ты видел живого контрразведчика?

При этих словах Любарский вдруг захохотал, ударил себя ладонью по колену и с какой-то странной, торжествующей радостью воскликнул:

— Да не только я, но и ты собственными глазами видел и говорил с настоящим, испытанным предста-